

МИФ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ВНУТРЕННЕЕ СОЗНАНИЕ ВРЕМЕНИ

При всем многообразии способов аргументации наиболее состоятельными и заслуживающими доверия в глазах общества являются, все же, научно-рационалистические техники обоснования тех или иных идеологий. Рациональность как таковая, бывшая знаменем культуры Просвещения, претерпела к настоящему времени существенный кризис. Рационалистические процедуры познания и понимания не считаются в современной культуре единственно верными и приоритетными. И, тем не менее, наука, базирующаяся на опытно-рационалистических способах аргументации, не потеряла своего значения и продолжает быть источником гордости современного общества. Она является едва ли не важнейшей предпосылкой «самолюбования культуры» [1].

Что же понимать под рационалистическим обоснованием и какую идеологию можно считать рационалистической по своему существу? Чтобы прояснить эти вопросы необходимо обратиться к содержанию понятия *рациональность*.

Под разумностью (т.е. под рациональностью) традиционно понимается способность умозаключать, последовательно излагать свои мысли, находить причины и сущность явлений, рассматривать что-либо всесторонне, устанавливать соответствие, абстрагировать, обобщать и т.д. [2]. Это узкое определение рациональности, связанное с представлением об определенных процедурах мышления и апеллирующее к понятиям «логика», «смысл», «знание», «рефлексия». Но это – объяснение рациональности, так сказать, в первом приближении.

Не трудно заметить, что в приведенном выше определении разумности присутствует герменевтический круг – суть разума усматривается в способности находить сущность явлений, сама же сущность как таковая – порождение разума, так как феномен смысла возможен исключительно в рамках разума. Как бы то ни было, рационализм исходит из презумпции очевидности разумного усмотрения чего-либо.

Вопрос о том, какое усмотрение считать разумным, остается открытым. Он усложняется тем, что человек, по-видимому, не имеет никакой альтернативы своей собственной разумности, если понимать последнюю как специфически человеческий способ отношения (к чему-либо) или самоотношения. Иными словами, широко понимаемая рациональность есть не что иное, как обозначение типа сознания, присущего человеку.

Действительно, способность совершать определенного рода интеллектуальные процедуры есть проявление того, что в нашей философской традиции именуется *ratio*. Но именно проявление, т.е. то, что является, а не то, что таким образом дает о себе знать. Следовательно, возможно предположить, что есть некие глубинные структуры рациональности. Из этого предположения

вытекает ряд вопросов: что именно в нашем сознании обеспечивает возможность рациональности? Каким образом сознание её содержит?

Вряд ли рациональность сводима к некоему набору опосредований, с помощью которого феномены объективной реальности «превращаются» в интеллигибельное содержимое и, таким образом, внутри сознания «объясняются», т.е. становятся приемлемыми, как бы однородными с самим сознанием. Рациональность каким-то образом должна быть связана с самим строением нашего сознания, с изначальными принципами его самоосуществления. Без попытки приблизиться к этим принципам мы будем вынуждены лишь констатировать «рациональные эффекты» типа логики или абстрагирования. Такое знание неизбежно будет описательным, хотя у нас нет доказательств, что возможно другое знание о рациональности.

Обратимся к феноменологическому представлению о сознании с целью выделить содержательное ядро, которое могло бы прояснить сущность рациональности как таковой.

В качестве материала для анализа нами будет использована феноменологическая (кантианская и гуссерлевская) концепции времени. На первый взгляд вызывает вопрос отношение временности сознания к его рациональности. Но если понимать рациональность в том ключе, о котором мы говорили выше, то есть не как определенный набор аналитических способностей (то есть рациональных реакций на реальность), а как один из изначальных принципов самоосуществления сознания, то обращение к проблеме внутреннего сознания времени видится вполне закономерным. Ведь *временность сознания*, которую Гуссерль настоятельно требует отличать от *сознания времени*, есть именно имманентный принцип самоконституирования нашего сознания, который имеет своим последствием рациональность.

Согласно Гуссерлю, наше сознание темпорально по своему качеству, содержит в себе абсолютный временной поток сознания. И все интенции сознания тоже имеют временную природу. «Воспринимающее схватывание само есть нечто имманентно-темпорально конституируемое, находящееся в единстве осуществленного настоящего (и в модусе достоверности – прим. автора)... Быть в одно и то же время сознанием единства имманентного вида и сознанием единства трансцендентного вида – это принадлежит к сущности таким образом устроенного сознания» [3]. Гуссерль имеет в виду следующее: сознанию присуща определенная «раздвоенность», и это становится очевидным при анализе его внутренней временности. «Очевидно, что восприятие временного объекта само обладает временностью, что восприятие длительности предполагает длительность восприятия, что восприятие любой временной формы само обладает своей временной формой» [4]. Сознание имеет свою феноменологическую временность, принадлежащую к его неустранимой сущности. Благодаря этому возможно конституирование временных объектов.

Гуссерль делит уровни конституирования временности на 1) вещи опыта в объективном времени; 2) конститутивные единства в до-эмпирическом времени